
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Якушева Г.В.

ПРОСТРАНСТВО СО СМЫСЛАМИ®

Рецензия на книгу:

Кулькина В.М. Пространства и смыслы в прозе Пола Остера. – М.: РАН. ИНИОН, 2019. – 102 с.

Гос. ин-т русского языка им. А.С. Пушкина и Высшее театральное училище им. М.С. Щепкина. Москва, Россия, yakusheva.g@inbox.ru

Поступила: 28.07.20

Принята к печати: 11.08.20

Yakusheva G.V.

The space with senses:

Book review:

Kulkin V.M. Spaces and meanings in the prose of Paul Auster. – М.: RAN. INION, 2019. – 102 p.

Pushkin state Institute of the Russian language and the Shchepkin Higher theater school. Moscow, Russia, yakusheva.g@inbox.ru

Received: 28.07.20

Accepted: 11.08.20

Эту книгу, чей жанр определен ее автором как «аналитический обзор», вполне можно назвать обзором энциклопедическим – если учесть этимологически обозначенную данным словом ориентацию на всеохватность исследования. В самом деле: работа Варвары Михайловны Кулькиной дает нам, прежде всего, широкое, разветвленное и

аргументированное представление о гетеротопии – понятии, прочно, но сравнительно недавно укоренившемся в нашей литературной науке. Так, в фундаментальных справочных и в этом качестве вполне состоявшихся изданиях, подготовленных тем же отделом литературоведения ИНИОН РАН, что и рецензируемая книга, в самом начале века, либо термина нет вообще (Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001), либо он на протяжении крупноформатных 560 страниц лишь однажды упоминается в статье М.В. Глостановой «Мультикультурализм» как одно из возможных, но отнюдь не обязательных, проявлений мультикультурности (энциклопедия «Западное литературоведение XX века», 2004)¹. Являясь в векторе научных поисков последовательницей автора упомянутой статьи, В.М. Кулькина пошла значительно дальше в обозначении границ – или, скорее, их отсутствия, – при рассмотрении термина, экстраполировав его буквальное значение («киное пространство», «киное место») на самые различные стороны, условия, формы проявления нашего существования, так или иначе ищущего, утверждающего или теряющего себя в «ином», не заданном априори топосе. Ибо именно под влиянием опыта пребывания и функционирования в таком «особом и значимом» для героя пространстве и формируется, согласно концепции автора обзора, та или иная личность. Автор обзора предлагает рассматривать намерения писателей эпохи глобализации как попытку проиллюстрировать внутренние трансформации своих героев за счет условного или буквально ограждения их от окружающей реальности в топосе, играющем в их восприятии особую роль. При этом, однако, создаваемая личностью в каждой жизненной ситуации «субъективная картина мира» неоднозначна, «мозаична», так как «вбирает в себя элементы чужих картин еще до того, как сама приобретет целостность и законченность» (с. 5). Справедливое замечание, требующее, на наш взгляд, все же некоторого уточнения: «целостности и законченности» субъективная картина мира не достигнет никогда, ибо переменчивость, впечатлительная неустойчивость, внутренняя противоречивость являются не только процессом, но и результатом создания каждой личностью подобной картины. Отсюда и убедительность предлагаемого В.М. Кулькиной опре-

---

¹ «Мультикультурная персона множественна, совмещает в себе различные текущие идентичности. Поневоле, но нередко и по собственному выбору, она существует в “гетеротопии” многополюсного мира». С. 267–268.

деления гетеротопии как особого вида пространства, которое будучи не объективной формой существования материи, а формой самоопределения человека в мире, обладает в художественном произведении и сюжетообразующей, и системообразующей (образы, время, жанровые признаки) функциями. Здесь хотелось бы успокоить Варвару Михайловну относительно риска исчезновения термина «в связи с отсутствием оригинальной [однозначной? – Г. Я.] трактовки» и с учетом «смысловой подвижности» понятия (с. 5): история литературной науки подсказывает немало примеров живучести и непрерывного развития терминов самого широкого смыслового наполнения, разнообразие которого по ходу дела фиксируется «оттеночными» формулировками (например, реализм – «без берегов» у Роже Гароди, 1966; реализм Античности, Возрождения, критический, социалистический, магический, сюрреализм, и т.д., и т.п.) – если только в основе концепта лежит значимая идея, а разработкой проблемы занимаются исследователи с тщательностью автора рецензируемой книги.

Потому что немаловажным достоинством и самостоятельной ценностью обзора В.М. Кулькиной является его мощный, культуuroобразующий фундамент, состоящий из порядка двухсот сочинений художественного, научного, публицистического характера, разножанровых литературоведческих, философских, лингвистических, социологических исторических, психолого-педагогических, этнопсихологических трудов, частью представленных в трех циклах Библиографического раздела книги («Художественная проза», «Отечественная литературная критика», «Зарубежная литературная критика»), ориентированного на основную цель исследования – изучение в определенном аспекте прозы Пола Остера, а частью содержащихся в постраничных комментариях. Прочность такого фундамента обеспечивается не только количеством, но и качеством «кирпичей» – привлекаемых работ, и отражающих, и объясняющих общемировой, почти взрывной интерес в начале нашего века как к творчеству Остера, так и к проблеме гетеротопии в целом: в контрапункте добросовестно и детально проводимых суждений Ж. Лакана и М. Бахтина, М. Фуко и Ж. Бодрийяра, А. Лёфевра и В. Беньямина, Ж. Деррида и П. Бурдьё, И.П. Ильина и В.А. Емелина, М.К. Бронич и В.Б. Шаминой, Л.В. Скворцова и Э.Г. Шестаковой (перечень можно продолжить) автор обзора сопрягает понятие с текущей эпохой постмодернизма. И если модернизм, порывая с традиционными представлениями о взаимосвязях человека и

мира, постулирует тотальное безразличие мира к судьбе отдельного человека (отчуждение – *Entfremdung* Франца Кафки), то постмодернизм – пространство существования «человека играющего» («*homo ludens*» Йохана Хейзинги), ориентированного на независимо-свободное отношение к миру как к объекту приложения своих сил, но не к родственной или даже противостоящей системе, а к бессистемности и хаосу. Бытует сейчас в гуманитаристике и термин / понятие «постпостмодернизма»: его со ссылкой на суждение по поводу творчества Остера одного из американских ученых однажды и без комментариев вспоминает автор обзора, но нигде более не оперирует им. Также поступлю и я, ибо пока вообще нигде мне не довелось встретиться со сколько-нибудь убедительным толкованием этого понятия¹ – если только не говорить об эсхатологии, катастрофизме, апокалиптическом мышлении и прочем, что, по логике, должно следовать за эпохой тотальной насмешки над трагической нелепостью бытия. Возвращаясь же к нашей эпохе постмодернизма, вместе с автором обзора отмечаем, что она, акцентируя возможность и способность к самореализации креативного потенциала человеческой личности, со своим понятием гетеротопии кардинально меняет устоявшиеся трактовки *пространства и времени* как важнейших, более того – неотъемлемых атрибутов материи («Пространство есть форма бытия материи» <...> «Время – форма бытия материи»²). И пространство, среда, которая как мы знаем, решительным образом влияет на человека, в эпоху великих познавательных открытий, нарастающего торжества человеческого разума (которое, кстати, отнюдь не всеми уже в минувшем столетии признавалось благом³), в эпоху принципиального гомоцентризма теряет черты внеличностной объективности, становясь продуктом исключительно субъективного, индивидуального человеческого воспри-

---

¹ Включая объяснение Интернета: Постпостмодернизм – сложное понятие. Сегодня им принято обозначать в качестве зонтичного термина совокупность концепций и теорий, которые пытаются упразднить постмодерн и предложить язык описания нашей эпохи, темпорального режима, который бы был более адекватный, чем язык постмодернистской теории (определение с сайта postnauka.ru).

² Мелюхин С.Т. Пространство и время // *Философский энциклопедический словарь*. – М.: Сов. энциклопедия, 1983. – С. 541–542.

³ О кризисе разума в прошлом столетии см.: Якушева Г.В. Фауст в искушениях XX века. – М.: Наука, 2005. – 235 с.

ятия, осмысления, переживания и воображения. То есть: человек творит себя сам под влиянием созданного (осмысленного) им для себя пространства – или ряда пространств, в зависимости от качеств, потребностей и ожиданий того или иного лица.

В русле вышеизложенного исследовательница предлагает подробный аналитический обзор творчества одного из самых эрудированных современных американских писателей Пола Остера (Auster Paul, г. р. 1947) в опоре на многочисленные труды отечественных (М.К. Бронич, Д.К. Карслиева, В. Иткин, Н.Б. Калашникова и др.) и зарубежных (Т. Abdel-Hamid, Н. Bertodano de, М. Broun, S. Capen, P. Johnson, E. Hegarty, В. Herzogenrath, S.G. Kellman, J. Peacock, В. Ponteado, R. Rubenstein, М. Salmela, E. Urbina, A. Varvogli, T. Woods a.o. – из США, Англии, Германии, Франции и др. стран Европы, Азии, Африки и Австралии, всего 48 работ, не считая переведенных на русский язык и попавших в список отечественной литературной критики) коллег, – а также, разумеется, собственные размышления и опубликованные штудии¹. Богатая и разнообразная проза Пола Остера, как доказывает исследовательница, буквально построена на гетеротопии, на самонахождении и самоопределении себя, «нового» себя в каждом новом («кином») пространстве. Остер, который, как сообщает автор обзора, писал о себе в своей автобиографии «Впроголодь» (1997): «Я никогда не мог почувствовать себя частью команды такого огромного корабля, как Солидарность. К лучшему или худшему <...> я всегда плыл на своем собственном маленьком каноэ»², и которого, согласно тому же обзору, американский исследователь Свен Биркерте называл «призраком на банкете современной американской литературы»³, фигура симптоматичная в сочетании «играющей» исключительности и в то же время представительности в литературе постмодерна. «В своем творчестве писатель опирается на мировую литературную традицию, комбинируя приемы и стилистику разных литературных школ и течений, из-за чего становится проблематично отнести прозу Остера к ка-

---

¹ Кулькина В.М. Коллективный индивид Пола Остера (на примере «Нью-Йоркской трилогии») // Человек: образ и сущность. – М.: ИНИОН, 2016. – С. 225–245.

² Auster P. Hand of Mouth. – N.Y., 1998. – P. 34. Цит. по обзору В.М. Кулькиной. – С. 16.

³ Birkerts S. American energies: Essays on fiction. – N.Y.: William Morrow, 1999. – P. 338. Цит. по обзору В.М. Кулькиной. – С. 15.

кому-то одному направлению. <...> Несмотря на интертекстуальность, интермедиальность и фрагментарность, характерные для постмодернизма, Остер всегда считал себя реалистом, утверждая, что то, как он жил и что испытывал, отражено в его романах в большей степени, чем намеки и отсылки к другим писателям и сферам искусств» (с. 15–16, 18), – пишет В.М. Кулькина. И это вполне подкрепляемое обзором утверждение коррелирует с приводимыми рядом другими, столь же показательными для характеристики биполярности художественного мышления и личности классика постмодернизма: «Романы Пола Остера представляют собой метапрозу и вместе с тем отражают академический интерес писателя к западной культуре, его взгляды на капитализм, урбанизацию, власть денег и роль писателя в обществе. <...> Несмотря на любовь к американской литературе XX в. и влияние Беккета и Кафки, признаваемое самим Остером, он подчеркивает, что его истории “выходят из мира, а не из книг” <...> в романе “Левиафан” путем отсылок к одноименному трактату Т. Гоббса автор поднимает тему отсутствия свободы индивида в рамках госсистемы, рассказывая историю писателя, решившего “шагнуть в реальный мир и что-то сделать” (его стремления к действию превращают героя в террориста, позиция которого остается в вымышленном мире, т.е. в написанной им художественной прозе)» (с. 16, 18, 19–20). Так трудновоспринимаемая опытом чтения традиционной разностилевой литературы, каждое направление которой имеет свои «правила игры», тотальная «игровая» эклектика прозы Остера получает в аналитико-энциклопедическом обзоре В.М. Кулькиной определенную «навигацию», ключ к расшифровке бесчисленных месседжей писателя (смены временных пластов, травести, двойничества и инкарнации, взаимопроникновения иллюзии и реальности, столкновения симулякра и факта, и т.д., и т.п.). Так мы знакомимся, с той или иной степенью подробности, с обширным романным творчеством Пола Остера – как переведенным на русский язык («Измышления одиночества»; «Нью-Йоркская трилогия» («Стеклянный город», «Призраки», «Запертая комната»); «Храм Луны»; «В стране уходящей натуры»; «Левиафан»; «Ночь оракула»; «Книга иллюзий»; «Невидимый» («Невидимое»); «Мистер Вертиго»; «Тимбукту»; «Музыка случая»; «4321»), так и с остающимися пока для нашего читателя в оригинале романами (за исключением переведенного после публикации рецензируемого обзора, в 2020 г., романа «Бруклинские глупости», это: «Игра по принужде-

нию» (Squeeze Play); «Красная тетрадь» (The Red Notebook); «Путешествия в скрипториуме» (Travels in the Scriptorium); «Отчет из детства» (Report from the Interior); «Зимний дневник» (Winter Journal) и некоторые другие произведения повествовательного плана.

При этом жанрово-стилистическое разнообразие прозы Остера, выявляемое на страницах обзора (переключка, с той или иной степенью родства, с автобиографическим, детективным, историческим, плутовским, семейным романом, путевыми записками... Или один из шедевров современной анималистической литературы «Тимбукту») закономерно рассматривается как почва для создания множества гетеротопий, «иных пространств» со своими смыслами, о которых и рассказывает Варвара Михайловна в главах и параграфах исследования: ««Измышление одиночества» как место-гетероклит в прозе Пола Остера» – раздел, в опоре на М. Фуко обращающий внимание на то, что в художественных текстах «вопрос пространства начинает превалировать над вопросом времени, которое предстает как одна из разновидностей взаимодействия перераспределяющихся в пространстве элементов», и, в опоре на самого Остера, определяющих память как «пространство, в котором что-то происходит вторично» (с. 33–34). Раздел «Гетеротопии города и вариации Нью-Йорка», перекликающийся с обобщающей главой «Гетеротопия как локализация внешнего пространства за счет временного фактора», и включенные в эту главу разделы ««Храм Луны» как гетеротопия сферы Луны “Божественной комедии” Данте» и «Восприятие пространства “пустынного вакуума”». «Гетеротопия путешествия». ««Тимбукту»: гетеротопия дома глазами собаки». «Гетеротопия как форма проникновения в действительность». «Гетеротопия как уход от реальности: сильные и слабые стороны». «Роман “Путешествия в скрипториуме”: Гетеротопия как анализ художественного пространства».

Обилие трактовок понятия, связанных с ним текстов, «знаковых» литературных и не только литературных имен (Данте, Б. де Борн, М. де Сервантес, Ф. Гёльдерлин, Ш. Бодлер, Ф. Кафка, К. Гамсун, Анна Франк...) и обнаруживаемых функций (и здесь не только игра Автора с читателем или приемы пародийности – зеркальности и т.п., уже хорошо освоенные любознательными, но и «игра» со временем (накопление его – гетеротопия музеев и библиотек, упразднение – тюрьмы, прекращения – кладбища): все это вкупе с другими соображениями систематизируется Варварой Михайловной в Заключении

обзора, оставляя у читателя прежде всего чувство уважения и признательности за проделанную работу – действительно сложную, действительно актуальную, действительно во многом новаторскую и остро востребованную гуманитарными науками. Мне видится уже сейчас второе издание этого исследования (выполненного, кстати, при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17-33-00025-ОГН «Гетеротопия: цивилизационный контекст»), обогащенное вниманием к упомянутым (с. 95), но пока еще не рассмотренным продуктам творчества Пола Остера (романы «Man in the Dark», «Sunset Park», сценарии фильмов «Дым» и «С унынием в лице», вышедшим на российский экран, интересная и разнообразная публицистика писателя, нередко носящая исповедальный характер).

Мне видится в этом новом издании также прояснение некоторых вопросов, провоцируемых интересным исследованием В.М. Кулькиной. Так, ею приводится и справедливое категоричное утверждение М. Фуко: «В мире нет ни одной культуры, которая не создавала бы гетеротопий. Это константа для всего человечества»¹. Что в этом отношении можно сказать о связи гетеротопии и фольклора, гетеротопии и религии, гетеротопии и фантастики, научной фантастики, фэнтези? О гетеротопии разных времен и народов – насколько потребность и интенсивность погружений в «иное пространство» обусловлены тем или иным этносом? Ведь связывать с нашей эпохой постмодерна, безусловно, можно и нужно *изучение* понятия гетеротопии, но никак не *возникновение* этого явления (которое можно встретить и в сказках всех народов мира и в романтизме не только гофмановского, но и байроновского образца, и в реализме не только «магическом» в духе Габриэля Гарсия Маркеса, но и вполне «обытовленном» – как у Тургенева или Льва Толстого, и т.д., и т.п.). Всегда ли «для достижения гетеротопии необходимо действие / движение, так как герой должен “наполнить” пространство действием», что утверждается в обзоре (с. 5)? Не достаточно ли здесь будет одной иллюзии действия? И насколько бесспорны постулируемые в обзоре (с. 6) закономерности влияния на жанровую специфику произведения места появления в нем гетеротопии: в начале – знак автобиографизма, в сере-

---

¹ Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи. Выступления и интервью. – М.: Праксис, 2006. – Ч. 1. – С. 195. Цит. по обзору В.М. Кулькиной. С. 9.

дине – травелога, в конце – детектива... Наличие вопросов – хорошая характеристика научного труда.

Мне видится также, что его новое издание, ответив на одни вопросы и породив другие, уже полностью отойдя от известной реферативности обзора, станет весомым вкладом в нашу науку – во всяком случае, такую уверенность внушает мне лежащая передо мной книга В.М. Кулькиной о «пространствах» и «смыслах» Пола Остера.